

СТРѢЛЮЕСТИЦЬ

НАУНИКЪЯН

Царь-Победитель

Почему же именно Николай II оказался последним «удерживающим» и почему на его имени сосредоточено при этом столько ненависти и инфернальной клеветы? Думаю, что эти два факта надо между собой сопоставить. Очевидно, что Николай II в чем-то выполнял свою миссию не хуже, а лучше, чем его предки. Причем в чем-то настолько существенном, что вызвал исключительный гнев «князя мира сего». А чем можно вызвать этот гнев, как не нарушением его адских планов?

Клеветники, обычно, совершают одну и ту же ошибку — они перебарщивают в своей лжи, теряют почву под ногами и не знают где остановится. Для оправдания неудачной лжи используется, обычно, поговорка, приписываемая то Геббельсу, то Гитлеру, что чем чудовищней ложь, тем охотней в неё поверят. Может и так, зато большая ложь, в отличие от маленькой, сама в себе несет свое опровержение. Просто наступает момент, когда в голове начинает стучать: «Врет Варенуха, врет...». И других доказательств лжи, собственно, и не нужно.

Именно так обстоит дело и с прижизненной и посмертной репутацией Николая II, 140-летие со дня которого отмечалось 19 мая, а 17 июля будет вспоминаться 90-летие со дня трагической гибели императора и его семьи. Та истеричная искаженная ненависть, то беснование, с которым каждая мелкая виртуальная мразь считает своим долгом высказаться о последнем русском Государе, стучится этим «врет Варенуха, врет».

К Николаю II по итогам его правления можно было предъявить немало спокойных претензий - неудачная война, внешнеполитическая зависимость от союзников, не блестящее начало другой войны, две удачных революции, колебания между непоследовательной консервативной и непоследовательной же либеральной политикой, наконец - отречение, которое и иным из монархистов покажется предательством духа и идеи русской Самодержавной монархии. Даже многие из выдающихся монархистов эпохи, таких как Лев Тихомиров или митрополит Антоний (Храповицкий) были, в конечном счете, императором разочарованы и не удерживались от едких высказываний в его адрес.

Однако все эти веские претензии никак не укладываются в тот разнузданный осатанелый тон, каким публикой говорится о жизни и смерти императора. Христианин минимальной духовной опытности безошибочно опознает в этом опыте не просто человеческую глупость или злобу, а именно запредельную ненависть тех существ, которым мало оказалось принесенной им оккультистом Свердловым жертвы царской кровью (а в ритуальном характере екатеринбургского убийства может сомневаться только дурак, либо подлец), они хотят изгадить его имя, теперь уже окруженное ореолом церковного прославления. Все, что мы знаем о бесах и о гонимых ими святых, выдает здесь вопрос чрезвычайной важности. Очевидно, что речь шла о человеке, который представлял собой исключительную опасность для этих существ и делал нечто, что им очень не нравилось.

Однако разъяснения этого факта мы не найдем ни в писаниях ненавистников Николая II, ни в монархической апологетике. Эта апологетика сводится обычно к нескольким тезисам — Николай не был человеком слабым, как о нем клеветали, но был человеком сильным, он не был плохим правителем, а был правителем хорошим, он делал что мог, но его все предали. Как вы понимаете — это очень слабая апологетическая позиция. Если тебя считают слабым, то ты слаб, если ты хороший правитель, то тебя не смогут предать и свергнуть. Не клеится.

Еще более нелепо выглядит накручиваемая некоторыми православными авторами мистика, в которой отводится место и «святому старцу Григорию» едва ли не в пророческом чине, и сам Государь предстает искупителем русского народа, а понятие «Русской Голгофы» из образа перетекает в некую квази-догматическую плоскость. С другой стороны, более традиционные концепции, вроде понимания миссии русских царей как «удерживающих» тоже не дают ключа к пониманию личности Николая II. И его прадед, и дед, и отец тоже были удерживающими, однако такой inferнальной ненависти не вызывали, а справлялись со своими обязанностями правителя государства вроде как лучше — ни одного из них не свергли.

Так почему же именно Николай II оказался последним «удерживающим» и почему на его имени сосредоточено при этом столько ненависти и inferнальной клеветы? Думаю, что эти два факта надо между собой сопоставить. Очевидно, что Николай II в чем-то выполнял свою миссию не хуже, а лучше, чем его предки. Причем в чем-то настолько существенном, что вызвал исключительный гнев «князя мира сего». А чем можно вызвать этот гнев, как не нарушением его адских планов?

И вот здесь мы и подходим к пониманию смысла подвига царя-мученика. Здесь мы можем приблизиться к мистике и тайне его царствования.

Вступая на престол, император Николай II как человек умный, вдумчивый и европейски образованный, видевший исторические тенденции эпохи, не мог не понимать, что его царствование скорее всего будет последним в истории Российской Империи. Неизбежность революции, неизбежность торжества «среднего европейца» и победы «грядущего хама» была понятна тогда всякому умному человеку. Учителю Николая — К. П. Победоносцеву эта неизбежность революции была тоже понятна и все, на что он смел надеяться, — это возможность удержать коня над пропастью на максимально возможный срок. Государь Николай Александрович, вступив на престол совсем молодым не мог не понимать, что его шансы передать престол потомкам не слишком велики, что в лучшем случае его династия может сохраниться в том же малоинтересном качестве, в каком правят его английские родственники. А это совсем не то, что соответствовало его русскому и глубоко самодержавному самосознанию.

Если бы даже Николай II не понимал, что его царствованию суждено быть последним, то грозные небесные знаки на протяжении всех 23 лет правления должны были открыть ему

глаза. Стряслась Ходынка. Царская семья прочла страшное пророчество монаха Авеля, оставленное Павлом I. Сын Алексей родился больным и по сути неспособным к самостоятельному правлению, ребенком-мучеником. Не только будучи царем, носителем особого благодатного смысла и разума, но и будучи обычным человеком трудно было не прочесть все эти знаки совершенно однозначно и определенно.

«Я уверен, что предопределён ужасным испытаниям и не получу награды здесь, на земле — говорил он, — на всё воля Божья. Я родился 6 мая, в день поминовения многострадального Иова. Я готов принять Мою судьбу» .

Прочитав знаки судьбы Николай II принял определенное Решение. Решение поистине царское.

Ни ты, читатель, ни я, не рождены царями, но давай попробуем на секунду представить, что с младых лет мы растем в мысли о том, что в нашей и только нашей власти будет огромная, занимающая едва ли не полглобуса держава с десятками миллионов христианских и инородческих душ. И за каждую из этих душ мы в ответе перед Богом. А монархическое сознание Николая II было именно таким.

"Я питаю твёрдую, абсолютную уверенность, что судьба России, Моя собственная судьба и судьба Моей Семьи находятся в руке Бога, поставившего Меня на то место, где Я нахожусь. Что бы ни случилось, Я склонюсь перед Его волей с сознанием того, что у Меня никогда не было иной мысли, чем служить стране, которую Он Мне вверил".

Что мы станем делать узнав, что обречены вместе с державой смерти, что нашей державе, как и державе Германской, Австрийской, Османской подписан приговор мироправителями тьмы века сего и подписан приговор и нам самим? Некоторым аналогом могло бы стать, если бы мы точно знали, что смертельно больны и через 20 лет умрем.

В этой ситуации, перед лицом неминуемой смерти можно себя вести тремя способами. Можно смерти не замечать и не признавать, так, к примеру, вел себя Гогенцоллерн Вильгельм, «пировавший» во время чумы так, «живший рискуя» настолько, что полностью предопределил германскую катастрофу XX века, которую немцы с немалым трудом изживают лишь в последние 20 лет и то еще неизвестно как оно обернется. Можно понимать, что смерть неминуема, но смотреть на дело чисто материалистически, то есть, с учетом того, что время есть, копить наследство и пытаться оставить его детям, авось пригодится. Отчасти это тоже делалось - «наследство» оставленное Империей и императором было настолько громадным, что его хватило и на революцию с гражданской войной и на войну Великую Отечественную, когда построенные за 30 лет до того линкоры своим огнем защищали Ленинград.

Однако Николай II не был материалистом. Он был человеком глубоко и православно верующим. Возможно самым религиозным из всех Романовых, включая даже царей XVII века. И он подошел к проблеме собственной смерти и смерти Империи как к духовной задаче христианина. Каковая, как известно, сводится к тому, чтобы скапливать себе сокровища на небесах. Христиане не случайно боятся внезапной смерти и не любят её - смерть надо встретить спокойно и желательно разглядеть её сильно заранее, в этом случае можно ожидать «доброе ответа на страшном судище Христовом».

Поэтому программа 23-летнего царствования Николая II была прежде всего программой «скапливания сокровищ на Небе». И именно она оказалась тем камнем преткновения, который вызвал такую ярость врагов рода человеческого. Чем занимался Николай II прежде всего, какие действия были наиболее характерной приметой именно его царствования, в отличие от царствований предшественников?

С самого начала царствования сплошным потоком пошли канонизации святых. Россия, ни на секунду не терявшая своего самосознания как великой, стала вновь осознавать себя Святой Русью, причем так, что этим сознанием прониклись даже бывшие марксисты вроде Петра Струве. Вот только основные вехи восстановления самосознания Святой Руси.

1896 г.: Святитель Феодосий Черниговский

1897 г.: Священномученик пресвитер Исидор и с ним 72-а мученика

1903 г.: Преподобный Серафим Саровский

1909 г.: Святая благоверна княгиня Анна Кашинская (возрождение почитания нечестиво отмененного ранее из вражды к старообрядцам)

1910 г.: Перенесение из Киева в Полоцк честных мощей преподобной Евфросинии

1911 г.: Святитель Иоасаф, епископ Белгородский

1913 г.: Святейший Патриарх Ермоген

1914 г.: Святитель Питирим, епископ Тамбовский

1916 г.: Святитель Иоанн, митрополит Тобольский

В том же ряду должна стать и кончина в 1909 году святого праведного Иоанна Кронштадтского, которого император сразу же после этой кончины прямо назвал святым. Многие из этих канонизаций, включая, в частности, прославление преп. Серафима совершались даже в некотором конфликте с излишне либеральной и бюрократичной частью церковной иерархии, фактически под личным давлением царя. Причем заметим, что чем ближе была революционная катастрофа, тем более интенсивной была деятельность императора на этом духовном фронте, который он, несомненно, считал для себя важнейшим.

Каждый исследователь истории России должен будет признать, что именно в царствование Николая II в России начался грандиозный религиозный подъем. Подъем, который в других странах Европы в это время места не имел. Здесь же он случился сразу во всем многообразии форм — от теософствований Мережковских и Вячеслава Иванова до массового обращения к Оптиным старцам, от движения имяславцев до Союза Русского Народа, от тонких богословских споров до требований восстановления патриаршества. Наконец, уже после свержения императора, на Поместном соборе 1917-1918 годов был совершен духовный акт, достойно продолжавший прочерченную Государем линию — установлено празднование Дня всех святых в Земле Российской просиявших, то есть официальная церковная канонизация идеи и смысла Святой Руси.

Чтобы понять уровень и смысл этой борьбы, нам нужно вспомнить что такое Святая Русь. Святая Русь это не идея некоей «богоизбранности» русского народа, не идея некоего национального мессианства или «мессианской гордыни», как иногда полагают. Эта идея носит «экспансионистский» характер не в горизонтальном, а в вертикальном смысле и обращено к «жизни будущего века». В этой жизни будут «новое небо и новая земля» на которые ступят только те, кто Христовы. С другой стороны, каждый Христов человек, каждый святой, имеет силу и дерзновение заступиться и вымолить у Бога и тех не-святых, кто искренне будут просить о заступничестве.

И вот многими столетиями Русь, не жалея сил на земле, строила свой форпост на небесах, прославляла святых, молилась им, обращала к Небу вертикали шатров своих колоколен и отражала жизнь Неба в зеркале своих икон. На этом основании, самом прочном из оснований, и строилось русское государство в течении долгих столетий. Это было земное царство укорененное в Небе. Россия была редким даже уже в тогдашнем мире государством с крепким сакральным центром, причем центром завязанным не только на личность монарха и институт монархии, но на сам сакральный порядок жизни нации и государства, освященных благословением и прижизненной и посмертной заботой святых.

Именно восстановлением центра русской государственности, её сакральной вертикали, основательно обветшавшей за 200 лет петербургской монархии, периодически скатывавшейся в вольтерьянство, масонство и просто либеральное безразличие, и занялся император Николай II.

Хотя и прочего не оставлял. Если, опять же, мы сравним царствование Николая II с царствованиями других относительно самодержавных монархов его эпохи, то мы не сможем не поразиться насколько она была более плодотворна, чем деятельность Вильгельма II, Франца-Иосифа или Абдул-Гамида. Россия, оставленная Николаем II, пройдя через страшные испытания революции и гражданской войны восстановилась как великая держава, а спустя четыре десятилетия стала сверхдержавой. Австрия и Османская империя прекратили свое существование, Германия же пройдя поражение в войне, Веймар и Гитлера покончила национальным и геополитическим самоубийством. Могут, конечно, сказать, что усиление России было достигнуто не благодаря, а вопреки царскому наследию. Преемникам царевичей вольно лукавить перед самими собой, но историю не обмануть – нельзя построить за столь короткий срок крепость на песке. Если Советский Союз 1945 оказался крепостью, то именно потому, что новые башни и пушки были поставлены на сверхпрочный старый фундамент.

Но объективное понимание роли Николая II как мирского правителя придет к нам лишь тогда, когда мы осознаем его роль как правителя священного. Он стоял во главе грандиозного духовного, теократического движения, движения религиозного возрождения России на рубеже XIX и XX столетий. Он даже готов был его перевести в практически-теократическую плоскость, но «священникам и архиереям» не достало здесь духовной мудрости, чтобы понять весь смысл предложения императора, который был готов отречься от престола в пользу сына и стать по примеру Филарета Романова патриархом. Тем самым увенчав теократическое здание, бывшее от века основанием русского державного и духовного могущества.

Но даже и «жестоковейшим» в среде тогдашней русской церковной и околоцерковной интеллигенции, даже тем, кто рукоплескал свержению царя и называл это клятвопреступление «делом Божиим» и тем достало мужества и христианской смелости, чтобы бросить вызов богоборческой политике большевиков. Без «николаевского» религиозного возрождения, без интенсификации духовной жизни русских людей в начале XX века вряд ли бы стало возможно то количество новомучеников, которые потопили антихристов дух революции в своей крови, которая смирила сатанократическое начало революции перед вечным русским государственным и державным.

Истерический срыв, беснование против Николая II, были связаны именно с тем, что врагу стало понятно, что он обойден. Обойден с фланга и любая тактическая победа против России обернется для него стратегическим поражением. Можно было разрушить строй, можно было жестоко убить полководца вместе с его семьей, можно было разорить немало городов и сел, уничтожить немало мирного населения, распинать священников вниз головой на царских воротах и топить их в ледяной проруби, можно было установить жесточайший режим оккупации. Но стратегически война была врагом проиграна именно благодаря мудрости и подлинному духовному величию императора Николая II.

Стоило царю-мученику отречься от престола, - не уклонившись от ответственности, но встретив грудью неизбежность, как одержанная стратегически победа была ознаменована чудом – явлением иконы Божией Матери Державная — явлением в Коломенском, в храме, построенном в честь рождения первого русского царя – Ивана Грозного. Это чудо было свидетельством того, что теократический прорыв, совершенный императором увенчался успехом, отныне «Взбранная Воевода» приняла Русь под Свою святую руку и священный Покров. Вместо грандиозного самоотречения и самоуничтожения России произошло нечто

иное – в самые страшные испытания она вступила богоуправляемой, хранимой молитвами прославленных стараниями Государя русских святых, включая и хранителя последних тайн – преподобного Серафима. И эта молитва многократно усиливалась сонмом прибывающих на небеса Новомучеников, и перемалывала, переламывала богоборческую «Совдепию» в вечную и великую Россию.

Сегодня прославляемый Россией как святой Царь-Мученик молит за Россию не как побежденный, но как победитель. Веку лжи и обмана, разъедавшему как кислота все живое, все святое и священное, все, что на земле дерзало напоминать о Небе, так и не удалось растворить и растлить Россию. Даже та система, которая точно специально создана была, чтобы убить нас, лишь сделала нас сильнее. Даже тот распад, который должен был разложить нас на молекулы точно мановением был в 2000 году обращен вспять прославлением Царственных Мучеников.

И сегодня истинная и вечная Россия, Великая Россия, соединенная как бы пуповиной молитвы со Святой Русью, её истинным домом и истинным смыслом, предстоит миру не чаявшему видеть её в живых. И во главе её торжествующий мученик Царь, уже не как жертва клеветы, а как истинный победитель, видит дело рук своих и труда своего. Видит подвиг свой, совершенный среди неправд и искушений, послужившим ко спасению всех.

Автор: Егор Холмогоров

Источник: [Информационный портал "Новые Хроники"](#)